

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.П. Раин

Св. Иоанн Златоуст и семейная жизнь его времени

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1895. № 3-4. С. 225-248.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

СВЯТОЙ ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ

И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ЕГО ВРЕМЕНИ ¹⁾.

ИСТИННЫЙ источникъ здоровой нравственной жизни есть семья, и потому всѣ законодатели—какъ древняго, такъ и новаго міра—заботились о томъ, чтобы поставить семейную жизнь въ наиболѣе благопріятныя условія, возвысить ея нравственный тонъ и оградить отъ вредныхъ для нея и тѣмъ болѣе разлагающихъ ее вліяній. Древній міръ погибалъ главнымъ образомъ отъ разложенія въ немъ семейной жизни, и если христіанство возродило этотъ умирающій міръ, то этого оно достигло главнымъ образомъ тѣмъ, что преобразовало семейную жизнь, внесло въ нее новый нравственный элементъ, ослабило господство чувственности и дало перевѣсъ духу, такъ что семья перестала быть только средствомъ размноженія по плоти, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе сдѣлалась очагомъ духовнаго воспитанія, накопленія нравственныхъ силъ и тѣсной взаимопомощи при стремленіи къ духовному совершенству. Такой переворотъ во взглядѣ на самую сущность семейной или брачной жизни не могъ совершиться сразу

¹⁾ Предпринявъ изданіе «Полнаго собранія твореній св. Іоанна Златоуста» въ русскомъ переводѣ, редакція академическихъ изданій намѣрена сопровождать выходъ этихъ твореній въ свѣтъ такими очерками и изслѣдованіями, которыя, знакомя читателей съ самой эпохой и почвой, на которой жилъ и дѣйствовалъ великій святитель и на которой, такъ сказать, выросли его творенія, могли бы содѣйствовать имъ въ болѣе сознательномъ усвоеніи заключающихся въ этихъ твореніяхъ истинъ. Настоящая статья представляетъ первый опытъ подобнаго рода очерковъ. Источникомъ для нея служили всѣ вообще творенія св. І. Златоуста и главнымъ образомъ только что вышедшій въ свѣтъ выпускъ ихъ новаго русскаго изданія, различныя монографіи и изслѣдованія и преимущественно новое сочиненіе: A. Puech, St. Jean Chrysostome et les mœurs de son temps. Paris 1891.

и круто, и потому хотя христіанство уже восторжествовало надъ язычествомъ, однако старыя языческія воззрѣнія все еще продолжали жить среди народныхъ массъ, и духовнымъ вождямъ и учителямъ церкви пришлось много потрудиться надъ тѣмъ, чтобы просвѣтить въ этомъ отношеніи народное сознаніе, очистить его отъ старыхъ языческихъ понятій и внушить ему новое возвышенное воззрѣніе, возводящее бракъ изъ роли орудія плоти на степень орудія духа и нравственной силы. Надъ разъясненіемъ этого предмета много трудились отцы и учителя церкви, но болѣе всѣхъ потрудился св. Іоаннъ Златоустъ, и его творенія въ этомъ отношеніи составляютъ драгоцѣнный источникъ для разумѣнія истиннаго смысла семейныхъ отношеній. Особенно много онъ занимался этими вопросами въ своихъ первыхъ произведеніяхъ, вошедшихъ въ первую, только что вышедшую въ свѣтъ, книгу „полнаго собранія“ его твореній въ русскомъ переводѣ, и въ нихъ читатель найдетъ не только неистощимый источникъ назиданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и богатѣйшій матеріалъ для характеристики семейныхъ нравовъ и воззрѣній на бракъ и дѣвство въ ту переходную эпоху, когда жилъ и дѣйствовалъ св. І. Златоустъ. Такъ какъ на этихъ его твореніяхъ болѣе, чѣмъ на другихъ, лежитъ отпечатокъ эпохи, и въ нихъ затрогиваются такія стороны жизни, которыя, составляя особенность той эпохи, могутъ и не всегда быть достаточно ясными для читателей нашего времени, то далеко излишнимъ будетъ сдѣлать хотя краткій очеркъ особенностей семейныхъ нравовъ того времени.

І. Уваженіе къ святости брачныхъ узъ вытекаетъ, такъ сказать, изъ инстинктивнаго требованія человѣческой природы и потому оно составляетъ существенную часть всякаго какъ писаннаго закона, такъ и обычнаго права. Даже у языческихъ народовъ на первоначальной ступени ихъ развитія замѣчается уваженіе къ святости брака, такъ что напр. у древнихъ римлянъ вдова, оставшаяся вѣрною своему первому мужу и не вступавшая во второй бракъ, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и самое названіе *univira* было весьма почетнымъ. Если послѣдствіи, особенно во времена имперіи, эти отношенія уступили мѣсто совершенно инымъ, такъ

что брачныя узы потеряли всякую святость и женщины, по ироническому замѣчанію Сенеки ¹⁾, считали свои годы уже не по консульствамъ, а по числу своихъ разведенныхъ мужей, то это уже было извращеніе, признакъ полного упадка нравственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и источникъ страшнаго растлѣнія и разложенія. Семейная жизнь потеряла свой нравственный тонъ, и языческій міръ началъ погибать. Отъ этой гибели человѣчество было спасено христіанствомъ, и когда оно явилось, то первымъ его общественнымъ дѣломъ было поднять бракъ на должную ему степень уваженія, освободить его отъ рабства плоти и придать ему печать духовности. Вотъ почему, не ограничиваясь провозглашеніемъ нерасторжимости брака, „развѣ словесе любодѣйнаго“, христіанство стало придавать особенное значеніе дѣвству и вдовству. Когда языческая чувственность съ одной стороны прельщала обманчивымъ миражемъ плотскихъ наслажденій, то христіанство съ другой стороны противопоставляло ей величіе своего нравственнаго ученія, красоту своихъ примѣровъ, порывы идеализма суроваго и пламеннаго, но всегда благоразумнаго и сообразнаго съ достоинствомъ чловѣка. Никогда оно не впадало въ противоположную крайность, какъ это постоянно бываетъ съ системами чловѣческаго происхожденія. Наравнѣ съ безнравственною распущенностью язычества, христіанство отвергало и укоряло безумныя крайности докетовъ, энкратитовъ, манихеевъ, равно какъ и высокоумныя анаемы Монтана и Тертуліана въ отношеніи второбрачія. Не совѣтуя вступать во второй бракъ, оно въ то же время далеко было отъ осужденія второбрачія. Но совѣтуя вдовамъ сохранять ненарушимую вѣрность своему первому браку, оно тѣмъ самымъ лишь возвышаетъ бракъ, окружая его ореоломъ доблести. Въ томъ же смыслѣ оно еще горячѣе рекомендуетъ дѣвство, которое христіанствомъ возведено на высшую степень добродѣтели. Разсужденіе о немъ было любимымъ предметомъ отцовъ и учителей церкви. Превосходные трактаты о немъ мы находимъ у св. Амвросія Медиоланскаго, Григорія Нисскаго, блаж. Августина, у св. Меодія Патарскаго, у блаж. Иеронима въ его знаменитомъ посланіи

¹⁾ Seneca, De benef. III, 16.

къ Евстохіи, у св. Григорія Богослова, который посвятилъ ему одну изъ своихъ изящнѣйшихъ поэмъ, и у многихъ другихъ; но нигдѣ еще эта добродѣтель не обрисована столь живыми и поразительными чертами, какъ въ трактатѣ св. Іоанна Златоуста „О дѣвствѣ“, и трактатъ есть поистинѣ вдохновенный диамрамъ этому состоянію, которое преобразуетъ плотскаго человѣка въ ангела. И язычники отчасти знали и цѣнили дѣвство, какъ доказываетъ самое существованіе напр. весталокъ; но истинное свое значеніе дѣвство получило только въ христіанствѣ, которое увидѣло въ немъ высшее выраженіе торжества духа надъ плотію и восхваляло его какъ доблесть изъ доблестей. И совершилось изумительное явленіе, общественное чудо. Государственные люди, слыша превозношеніе дѣвства христіанами, не могли не опасаться за свои народы, которымъ-де угрожало уменьшеніе и вырожденіе и потому враждебно смотрѣли на это ученіе, какъ на опасное и вредное заблужденіе. А между тѣмъ въ дѣйствительности проповѣдь о дѣвствѣ сдѣлала для соціальнаго и государственнаго укрѣпленія неизмѣримо больше, чѣмъ пресловутый законъ Юлія, подъ страхомъ казни принуждавшій молодежь вступать въ бракъ. Если законъ Юлія былъ выраженіемъ крайняго упадка семейственности въ языческомъ мірѣ и своею принудительностью могъ только еще болѣе унижать узы брака, то напротивъ проповѣдуемое христіанствомъ дѣвство было какъ разъ тѣмъ оздоровляющимъ противоядіемъ, въ которомъ такъ сильно нуждался отравленный ядомъ разврата древній языческій міръ. Такъ какъ это состояніе принимали именно лучшіе и избраннѣйшіе изъ людей, которымъ болѣе всего претила мерзость языческаго развращенія, то эти рыцари духа и сдѣлались вождями того великаго нравственнаго переворота, который привелъ къ поднятію значенія самаго брака и тѣмъ не только не ослабилъ силу размноженія рода человѣческаго, а неизмѣримо увеличилъ ее ¹⁾, такъ какъ съ поднятіемъ брака на должную

¹⁾ Св. Амвросій отмѣтилъ тотъ несомнѣнный фактъ, что гдѣ менѣе уважается дѣвство, тамъ слабѣе и населеніе, и наоборотъ, — каковое наблюденіе подтверждено и такимъ острымъ наблюдателемъ жизни народовъ, какъ Монтескье авторъ сочиненія «Духъ народовъ». См. St. Ambros. De Virginit. VII, 36; Montesquieu, Esprit des lois. XXIII, 2.

ему высоту какъ тайнства и вступать въ него стали люди, вполне проникнутые сознаниемъ его важности и святости.

Превознося дѣвство, христіанство и его истинные выразители—святые отцы поэтому нисколько не унижали бракъ, и св. Іоаннъ Златоустъ прямо говоритъ: „запрещаю я блудъ и прелюбодѣяніе, но бракъ—никогда“ ¹⁾. Смотря на бракъ, какъ на установленіе Божіе, онъ видѣлъ въ немъ благо, которое такъ же дѣйствовало оздоравливающимъ образомъ на нравственную жизнь, какъ и дѣвство. „Бракъ, разсуждалъ онъ, есть добро, потому что сохраняетъ мужа въ цѣломудріи и не допускаетъ погибнуть уклоняющемуся въ прелюбодѣяніе“ ²⁾. Люди по самой своей натурѣ неодинаковы, и если одни, натуры возвышенныя, стремящіяся къ небесамъ—дальше отъ этой грѣховной земли съ ея злобой и похотью, могутъ найти себѣ высшее совершенство въ дѣвствѣ, то другіе, натуры такъ сказать дебелыя, льнушіе къ землѣ и считающіе своимъ долгомъ мужественно осуществлять свое назначеніе въ земной жизни, могутъ найти для себя наилучшее средство къ достиженію совершенства именно въ бракѣ, который для нихъ служить, такъ сказать, громоотводомъ при накопленіи страстей. То и другое состояніе слѣдовательно законное, и потому-то св. Іоаннъ въ своихъ бесѣдахъ и разсужденіяхъ то превозносилъ дѣвство, какъ освобождающее насъ отъ земной житейской суеты для безпрепятственного полета къ небесамъ, то рисовалъ яркія картины благословеннаго супружества, которое, какъ напр. въ родѣ Маккавеевъ, было благомъ уже потому, что дало жизнь героямъ, въ семействѣ благочестивыхъ Акиллы и Прискиллы было источникомъ счастья и благословенія и вообще было символомъ союза души со Христомъ. Во время своего пастырскаго служенія въ Антиохіи, онъ конечно имѣлъ большею частью дѣло съ натурами второго разряда, съ людьми преимущественно семейными, составлявшими главный элементъ его обширной паствы, и потому и въ своихъ разсужденіяхъ онъ имѣлъ ихъ именно въ виду и къ нимъ примѣнялъ свой возвышенный взглядъ на се-

¹⁾ О дѣвствѣ, 9 (стр. 298 нов. русск. изд.).

²⁾ Тамъ же 25 (стр. 311).

мейныя отношенія. Поэтому онъ, беря дѣйствительность, какъ она представлялась его наблюденію, заботился о томъ, чтобы придать семейной жизни тотъ возвышенный и благородный колоритъ, какой только могъ соотвѣтствовать его идеалу, и этотъ именно отпечатокъ лежитъ на всѣхъ его разсужденіяхъ въ этой области.

Такъ какъ главнымъ основаніемъ для допущенія и освященія брака, по воззрѣнію св. І. Златоуста, является именно необходимость удовлетворять потребности натуръ второго разряда и тѣмъ обуздывать чувственность, то первымъ правиломъ для **лѣхъ**, кто принадлежитъ къ разряду этихъ натуръ, должно быть то, чтобы какъ можно скорѣе вступить въ бракъ. Порывы и влеченія чувственности бывають сильнѣе всего въ юности, а потому въ юности именно и нужно вступать въ бракъ. Св. Іоаннъ Златоустъ не переставалъ указывать родителямъ, какую они принимаютъ на себя отвѣтственность, если даютъ своимъ сыновьямъ достаточно времени для того, чтобы познакомиться съ куртизанками и женщинами, подвизающимися на театральномъ сценѣ. Напрасно возражали ему (и это возраженіе особенно исходило отъ главъ богатыхъ семействъ), что молодымъ людямъ нужно дать сначала укрѣпить свое положеніе, получить извѣстность въ адвокатурѣ или вообще добиться какой нибудь важной должности. Важнѣе всего соблюсти ихъ цѣломудріе, чего нельзя достигнуть иначе, какъ при посредствѣ благовременнаго брака ¹⁾. „Да, бракъ нужно заключать рано, говорилъ онъ; иначе, молодой человѣкъ, познакомившись съ порокомъ, не будетъ любить своей жены и въ теченіе двухъ дней, и уже на другой день послѣ свадьбы ему понадобятся новыя ласки куртизанокъ“, и въ подтвержденіе этого ссылается на Іезекіиля и другихъ пророковъ, не умѣвшихъ называть вещи иначе, какъ ихъ собственными именами ²⁾. И эти совѣты дѣйствительно отличаются мудростью, которая сохраняетъ свое значеніе для всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ. Поэтому-то св. Іоаннъ не переставалъ повторять ихъ, и этотъ предметъ чаще всего служилъ содержаніемъ его бесѣдъ.

¹⁾ Бес. на ев. Матѳея, 69. Ср. на Быт. 59.

²⁾ На 1 посл. къ Фессалоник. 5.

Такимъ образомъ мужчина и женщина должны сочетаться бракомъ съ самой своей юности. Но выборъ супруга труденъ и его нужно дѣлать съ большою осторожностью. И здѣсь главная отвѣтственность должна лежать на родителяхъ: они не только должны съ наступленіемъ зрѣлости своего сына сами искать для него невѣсту и знать, къ какой болѣе склоняется ихъ сынъ, но кромѣ того и всей системой даваемого ему воспитанія должны напередъ указывать ему то или другое направленіе. Къ сожалѣнію воспитаніе, какъ оно понималось тогда, заключалось главнымъ образомъ въ томъ, чтобы единственно внушать молодымъ людямъ желаніе и уваженіе къ богатству, а слѣдовательно и предпочтеніе невѣстѣ — съ деньгами. Св. Іоаннъ обличалъ это стремленіе жениться на деньгахъ уже въ своемъ разсужденіи „О дѣвствѣ“, гдѣ онъ ярко изображаетъ положеніе человѣка бѣднаго, незнатнаго и худороднаго, женившагося на женщинѣ благородной, богатой и знатной, а также и положеніе бѣдной женщины, выходящей замужъ за богатаго ¹⁾. Въ своихъ бесѣдахъ онъ то и дѣло возвращался къ этому предмету, и особо посвятилъ бесѣду вопросу о выборѣ супруга, гдѣ онъ описываетъ всѣ тѣ приемы и сдѣлки, которые происходили при этомъ, клеймить свахъ, дѣлавшихъ изъ этого особое ремесло, перечисляетъ всѣ предосторожности, принимаемыя при заключеніи договора, постоянныя совѣщанія съ адвокатами, чтобы выяснитъ себѣ всѣ законоположенія о приданомъ — на всякій случай, въ родѣ того, если „жена умретъ безъ дѣтей“ и т. далѣе ²⁾. Самое названіе, дававшееся браку, указывало на лежавшую въ его основѣ грубую и жалкую цѣль: онъ назывался *συμφωνία* — договоръ, сдѣлка ³⁾. Но къ чему всѣ эти хлопоты и интриги? — спрашивалъ Іоаннъ. Женившіеся безъ состоянія, человѣкъ становится рабомъ своей богатой жены. Онъ живетъ въ презрѣніи и позорѣ, и въ такомъ же положеніи, въ случаѣ смерти, оставляетъ и своего сына, потому что нельзя сомнѣваться, что овдовѣвшая богачка вновь выйдетъ замужъ и

¹⁾ О дѣвствѣ, 53 и сл. Стр. 344 и сл.

²⁾ На Пс. 48; на кн. Быт. 48.

³⁾ На Матѣ. 73.

передать свои богатства другому ¹⁾). Еще хуже положеніе бѣдныхъ женщинъ, выходящихъ въ замужество за богатыхъ: богатые мужья относятся къ нимъ не лучше, какъ если бы они купили ихъ въ рабство на общественномъ рынкѣ, да и не куплены ли онѣ на самомъ дѣлѣ? Онѣ не будутъ имѣть никакой власти надъ слугами своего дома и никакой силы противъ соперницы, которая не преминетъ завестись у мужа ²⁾). Поэтому нѣтъ надобности хлопотать при заключеніи брака объ имѣніяхъ, а нужно разузнавать нравъ и характеръ, и вмѣсто того, чтобы совѣтоваться съ адвокатами, слѣдовать указанію св. ап. Павла ³⁾). Св. Писаніе представляетъ въ этомъ отношеніи поучительный примѣръ, изображая, какъ Авраамъ искалъ невѣсту для своего сына Исаака. Вотъ образецъ, который слѣдуетъ имѣть предъ глазами всѣмъ родителямъ, и св. Іоаннъ Златоустъ неоднократно возвращается и подробно пересказываетъ и объясняетъ всѣ наиболѣе трогательныя подробности этого знаменитаго библейскаго сватовства.

Но обличая погоню за денежною стороною въ брачныхъ сдѣлкахъ, св. Іоаннъ вмѣстѣ съ тѣмъ настойчиво преслѣдовалъ и другое злоупотребленіе, которое было особенно сильно въ то переходное отъ язычества къ христіанству время, хотя это злоупотребленіе составляетъ въ сущности неискоренимое зло всѣхъ временъ. Это именно тѣ непристойныя увеселенія, а часто и оргіи, которыми обыкновенно сопровождалось въ то время заключеніе браковъ. Не только сочиненія современныхъ писателей, но даже и самые памятники неопровержимо свидѣтельствуютъ, что при совершеніи браковъ и у христіанъ въ это время продолжали существовать обычаи стараго язычества. Такъ новобрачные въ изображеніяхъ ихъ на саркофагахъ и золоченыхъ сосудахъ носятъ свое традиціонное *flammeum* ⁴⁾). Конечно, церковь уже рано ста-

¹⁾ О дѣвствѣ, 53; на Дѣян. 49.

²⁾ Тамъ же 48.

³⁾ На кн. Быт. 48.

⁴⁾ См. K r a u s, Real Encyclopädie der christl. Alterthümer, ст. Ehe. У св. І. Златоуста часто встрѣчаются указанія на живучесть языческихъ брачныхъ обычаевъ. См. въ бесѣдѣ на текстъ: «Развѣ словесе

ралась подчинить бракъ своему непосредственному вліянiю и требовала, чтобы онъ заключался съ благословенiя епископа или пресвитера ¹⁾. Но давъ свое благословеніе и совершивъ таинство, церковь не могла воспрепятствовать совершенію обычныхъ церемоній, требовавшихся всѣмъ складомъ общественныхъ отношеній, и потому постоянно бывало такъ, что на другой день по совершеніи церковнаго брака совершались обычные обряды и церемоніи, имѣвшіе уже совершенно иной характеръ. Наиболѣе важнымъ изъ этихъ обрядовъ было совершеніе торжественной и вмѣстѣ увеселительной процессіи, участники которой, взявъ невесту изъ родительскаго дома, вели ее въ домъ жениха; это была такъ называемая *πόμπη*, какъ говорили греки, или *deductio sponsae*, какъ называли ее римляне. Процессія совершалась съ наступленіемъ ночи, въ то время, какъ воспѣвали древніе поэты въ своихъ любовныхъ пѣсняхъ, когда „вечерняя звѣзда излила наконецъ свой давно желанный свѣтъ“. Послѣ процессіи начиналось пиршество, сопровождавшееся пѣснями, плясками и различными лицедѣйствами, при чемъ всѣ участники и даже рабы соперничали между собою во всевозможныхъ вольностяхъ, часто непристойныхъ и грубыхъ. Св. Іоаннъ, строго возставая противъ подобныхъ непристойностей, тѣмъ самымъ не исключалъ проявленій радости по случаю столь важнаго въ человѣческой жизни событія, какъ бракъ. „Дѣлайте расходы, наряжайтесь въ свои праздничныя платья, говорилъ онъ: я не запрещаю вамъ этого. Но предавайтесь веселію въ добромъ сообществѣ“. Между тѣмъ въ дѣйствительности, какъ видно изъ его подробныхъ описаній, брачныя пиршества превращались въ шумныя безобразія, отъ которыхъ приходилъ въ движеніе весь городъ. Когда брачная процессія въ тишинѣ ночи съ пылающими факелами двигалась по улицамъ, то ея пѣсни и крики будили всѣхъ жителей, которые вскакивали съ своихъ постелей и выбѣгали на балконы

любодѣйна», на Быт. бес. 38 и 56; на Дѣян. 42, на 1 къ Кор. 12, къ Колос. 12. Тѣ же обычаи были и въ Антиохіи и въ Константинополѣ. Творенія латинскихъ отцовъ церкви показываютъ, что обычаи эти были и на западѣ.

¹⁾ См. Duchesne, Origines du culte chretien, p. 413.

и улицы, а за самой процессіей двигался разный сбродъ всякихъ уличныхъ бродягъ и праздношатаевъ, которые рады были случаю потѣшить себя сквернословіями и разными неприличными выходками и двусмысленными замѣчаніемъ на счетъ новобрачныхъ. „Такъ-то обезображено празднество, которое должно бы имѣть благородный семейный характеръ“ ¹⁾. Особенно возмущался проповѣдникъ тѣмъ участіемъ, которое предоставлялось въ брачномъ торжествѣ обычнымъ членамъ театровъ: пантомимистамъ и комедіанамъ, шутамъ и плясуньямъ, всей сворѣ „малакій“ и куртизанокъ. Всякій богатый домъ считалъ своимъ долгомъ приглашать ихъ на свадьбу, при чемъ они своими сладострастными пѣснями и плясками, недвусмысленнымъ острословіемъ и прибаутками должны были поддерживать общее веселіе гостей. Это было возмутительно, тѣмъ болѣе, что шло даже прямо въ разрѣзъ съ установившимися правилами благопристойности. „Вы не водите своихъ женъ въ театръ, говоритъ Златоустъ; вы признаете, что мудрый обычай и сама природа запрещаетъ имъ присутствовать при столь распущенныхъ зрѣлищахъ, и вотъ въ день свадьбы вы дѣлаете изъ своего дома театръ“. Печальнѣе всего то, что при этомъ невольно и какъ бы намѣренно развращались тѣ дѣвицы и молодыя женщины, которыя сопровождали новобрачную. Имъ не слѣдовало бы совсѣмъ участвовать въ этимъ сомнительныхъ торжествахъ, и не стыдно ли допускать этихъ дѣвицъ и женщинъ къ зрѣлищамъ, которыя прямо составляютъ школу распутства и прелюбодѣянія ²⁾? Проповѣднику на это отвѣчали, приводя въ оправданіе то, что для сопровожденія невесты въ процессіи набирались дѣвицы не изъ богатыхъ и знатныхъ сословій, равныя ей по положенію, а изъ бѣдныхъ, иногда покупая ихъ какъ рабынь. Даже сознавая, слѣдовательно, непристойность этихъ увесе-

¹⁾ На 1 посл. къ Корин. 12.

²⁾ Въ одномъ мѣстѣ св. І. Златоустъ говоритъ даже (на 1 посл. къ Кор. 12), что имъ среди этихъ оргій угрожала даже опасность быть обезчещенными. Подобные случаи брались неоднократно сюжетами для античныхъ комедій. Свадебныя церемоніи повидимому были еще скандальнѣе въ Африкѣ, чѣмъ въ Антиохіи, какъ объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ подробностямъ, сообщаемымъ блаж. Августиномъ (О градѣ Божіемъ IV. 11 и сл.).

леній, богачи оправдывались соображеніемъ, показывавшимъ, какъ мало они дорожили чужою честью, совершенно спокойно принося въ жертву честь и цѣломудріе бѣдныхъ дѣвицъ.

Но не въ этомъ еще было главное зло. Еще важнѣе было то, какое впечатлѣніе производили эти оргіи на молодыхъ супруговъ и особенно на молодую жену, которая, воспитываясь дотошъ въ тишинѣ гиникей, теперь сразу вталкивалась въ самую средину всѣхъ этихъ безобразій и гнусностей. Проповѣдникъ опасается возможности того, что съ этого перваго вечера зародышъ прелюбодѣянія можетъ запасть въ сердце одного изъ супруговъ. Кто знаетъ, не окажется ли среди комедіанокъ, приглашенныхъ на свадьбу, одна изъ такихъ, которая обратитъ на себя вниманіе молодого супруга, или одинъ изъ актеровъ не найдетъ ли прступнаго благоволенія у молодой супруги? И св. Іоаннъ Златоустъ прямо заявляетъ, что подобныя вещи уже случались не рѣдко, и по какимъ нибудь выдающимся случаямъ въ жизни велико-свѣтскаго круга были настолько извѣстны всѣмъ, что достаточно было только намекнуть на это, чтобы всѣ поняли, въ чемъ дѣло. — Но подобныя церемоніи, несомнѣнно стоившія много, не были даже принадлежностью только богатыхъ классовъ. За богатыми тянулись и бѣдные, и такимъ образомъ къ нравственному позору присоединялось еще и полное матеріальное истощеніе или даже разореніе. Родители залезали въ неоплатные долги, бѣгали изъ дома въ домъ, выпрашивая у друзей или родственниковъ посуды, зеркалъ и платьевъ, и выходило то, что по окончаніи торжествъ родители изнывали подъ тяжестью долговъ, а новобрачная, только что вчера еще окруженная богатствомъ и роскошью, назавтра, по возвращеніи всѣхъ взятыхъ на прокатъ вещей по принадлежности, оказывалась въ бѣдности и скудости, вызывавшихъ въ ней горькія слезы. Чтобы избѣгнуть этихъ непріятностей, проповѣдникъ убѣждаетъ родителей прекратить всѣ эти нечестивыя церемоніи съ процессіями и комедіанствомъ. Повеселиться можно, но для этого достаточно пригласить близкихъ друзей, сосѣдей и вообще хорошихъ знакомыхъ и не дѣлать непосильныхъ расходовъ. Если ужъ нужно приглашать кого нибудь изъ посторон-

нихъ, то вмѣсто шутовъ и плясуній лучше всего пригласить какихъ-нибудь бѣдняковъ, чтобы вмѣстѣ съ увеселеніемъ показать и добрый примѣръ христіанскаго благотворенія. При этомъ нельзя не замѣтить, что о чемъ бы ни трактовалъ св. І. Златоустъ, у него всегда все дѣло въ концѣ концовъ сводится къ милосердію и благотворенію. Конечно, онъ предвидѣлъ, что его совѣтъ можетъ показаться весьма страннымъ и неудобнымъ. Нищія на свадьбѣ!—нововведеніе весьма неудобопріемлемое, особенно въ томъ обществѣ, которое по своему суевѣрію предрасположено было видѣть въ этомъ одно изъ самыхъ печальныхъ предзнаменованій; въ его глазахъ это значило прямо осуждать новыхъ супруговъ на нищенство. Іоаннъ подвергалъ это суевѣріе рѣзкому осужденію, и чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли, онъ обращался при этомъ не только къ разуму, но даже и къ своего рода честолюбію. Вѣдь еще никто никогда не дѣлалъ опыта подобнаго благотворенія: какая честь была бы тому, кто сдѣлалъ бы первый починокъ, а ему стали бы подражать другіе и такимъ образомъ установился бы прочный обычай!

Если всегда вообще трудно бороться съ укоренившимися обычаями и привычками, то тѣмъ труднѣе искоренять вѣковые обычаи, связанные съ такими важными событіями въ жизни, какъ рожденіе, бракъ или смерть. Современники Златоуста любили эти свадебныя пиршества не только потому, что они были веселы и шумны, на время такъ сказать узаконяли тѣ театральныя удовольствія, пантомимы, пѣсни и пляски, которыя не переставала запрещать церковь, но и потому, что въ силу укоренившейся привычки имъ трудно было и представить себѣ свадьбу безъ этихъ принадлежностей. Супруги, даже получивъ церковное благословеніе, едва могли вѣрить себѣ, что они женаты, если не состоялась пошлѣ по всемъ принятымъ правиламъ. Это обычай, постоянно отвѣчали Златоусту; все это освящено преданіемъ и дѣло законное (νόμιμα); отмѣнять обычай значило бы не только создавать неудобство, обнаруживать недостатокъ въ умѣннѣ какъ слѣдуетъ жить, что уже само по себѣ было бы печально, но и показывать полное забвеніе своихъ обязанностей. И св. Іоанну приходилось

много и много разъ разъяснять своимъ слушателямъ, что не эти обряды и церемоніи составляютъ бракъ, но что сущность его состоитъ въ сожитіи ¹⁾. Хотя сопротивленіе было велико и упорно, однако нельзя не думать, что по временамъ его убѣжденія достигали своей цѣли, и побѣда бывала быстрая и рѣшительная. Главная быть можетъ изъ бесѣдъ, посвященныхъ этому предмету, именно 12-я бесѣда на посланіе къ Колоссянамъ, принадлежитъ ко времени его епископскаго служенія; она помѣчена Константинополемъ ²⁾, и въ ней, какъ и въ предшествующихъ бесѣдахъ, онъ не перестаетъ повторять, сколько труда стоила ему борьба съ этими обычаями и сколько онъ испытывалъ неприятностей. Одни, говоритъ онъ, ненавидѣли его за это, другіе смѣялись надъ нимъ и называли неразумнымъ. Но если ему и не удалось совѣмъ искоренить этихъ обычаевъ, однако краснорѣчіе его не пропало даромъ: начатое имъ дѣло церковь продолжала вести и послѣ него, пока не достигла полного освященія брака какъ св. таинства.

II. Смотра на бракъ съ возвышенной христіанской точки зрѣнія, св. Іоаннъ Златоустъ, какъ и естественно, вмѣстѣ съ другими отцами и учителями церкви, горячо ратовалъ за нерасторжимость брака. Во времена имперіи господствовала крайняя распущенность въ греческихъ и римскихъ нравахъ: разводы были самымъ обычнымъ дѣломъ, совершались по самымъ пустымъ причинамъ и въ дѣйствительности, можно сказать, безъ всякихъ причинъ, просто по взаимному соглашенію супруговъ, послѣ чего заключались новые браки, такъ что въ сущности вводилось полное, хотя и послѣдовательное многоженство и многомужество. ³⁾ Св. Іоаннъ, выступая поборникомъ воззрѣній церкви, рѣшительно запрещалъ мужу отвергать жену иначе какъ въ случаѣ прелюбодѣянія, „развъ словесе любодѣйнаго“ ³⁾. Онъ признаетъ, что законъ

¹⁾ συνέθετα, на Быт. 16.

²⁾ Относится къ первымъ годамъ его епископствованія. вѣроятно къ 399 году.

³⁾ παρεκτος λόγου πορνείας. Бес. на Матѣ. XVII. 62: Къ враждующимъ противъ тѣхъ, которые привлекаютъ къ монашеской жизни, О разводномъ письмѣ и пр.

этотъ труденъ, такъ что не даромъ ученики Иисуса Христа рѣзко выразили свое недоумѣніе, воскликнувъ: „Если такова обязанность человѣка къ женѣ, то лучше не жениться“ (Матѣ. xix, 10). То, что смущало апостоловъ, не могло не казаться до крайности жестокимъ для христіанъ IV вѣка. Они непрестанно возражали проповѣднику ссылаясь на примѣры и постановленія Ветхаго Завѣта, прибѣгая при этомъ къ очень распространенному въ то время приему полемики, особенно въ Антиохіи, гдѣ Іоаннъ часто встрѣчалъ со стороны своихъ слушателей такія резонерскія замѣчанія, которыя далеко не были чистосердечны. „Да, отвѣчалъ онъ, когда ему указывали на Моисеевъ законъ, — да, разводъ былъ допускаемъ древнимъ закономъ; но это было лишь во избѣжаніе худшихъ золъ“ ¹⁾). Древній законъ собственно данъ былъ для іудеевъ, народа упрямаго и жестоковаго, мятежнаго и склоннаго къ кровавымъ вспышкамъ. Если бы стали принуждать этихъ буйныхъ и отчаянныхъ людей держать у себя женъ вопреки доброй волѣ, то мужъ скорѣе убилъ бы свою жену, которая перестала ему нравиться, чѣмъ жить съ нею. Такова была жестокость этого народа, который не щадилъ даже пророковъ и кровь проливалъ какъ воду ²⁾). Но вновь избранному народу, вѣрнымъ сынамъ церкви Христовой, данъ болѣе совершенный законъ, и св. Іоаннъ Златоустъ напоминалъ объ этомъ тѣмъ съ большею настойчивостью, что даже при христіанскихъ императорахъ гражданскій законъ продолжалъ сохранять большую приложимость и силу, чѣмъ законъ церковный, хотя и христіанское вліяніе уже давало о себѣ чувствовать на общемъ законодательствѣ, и особенно въ дѣлѣ брака ³⁾).

Что касается второбрачія, то въ этомъ отношеніи св. І. Златоустъ почти ограничивается воспроизведеніемъ правилъ, предписываемыхъ ап. Павломъ. Во всякомъ случаѣ — второй бракъ позволителенъ; немощь человѣческая такъ велика, что не имѣется разумныхъ основаній думать, чтобы можно было наложить на

¹⁾ На Ис. 1.

²⁾ На Матѣ. 17.

³⁾ Gide, Condition privée de la femme, кн. II, гл. 2.

вторые браки безусловное запрещеніе. Но лучше бы избѣгать ихъ. Вполнѣ однако зная, какъ мало такихъ, у которыхъ нравственное чувство окажется достаточно деликатнымъ, чтобы отказаться отъ второбрачія, св. Іоаннъ пытается приводить къ этой цѣли косвеннымъ путемъ. Онъ изображаетъ всѣ неудобства второбрачія, которое подъ впечатлѣніемъ неизбѣжныхъ воспоминаній, невольныхъ сравненій съ прежнимъ является источникомъ всевозможныхъ распрей и ссоръ. Но особенно дѣти становятся источникомъ смутъ и вражды между супругами, которые бы обязаны любить ихъ. Если у второй жены нѣтъ дѣтей, то она будетъ ненавидѣть дѣтей своего мужа отъ перваго ложа, потому что они будутъ для нея постоянно служить живымъ укоромъ. Если у нея есть собственныя дѣти, то ревнивое предпочтеніе къ нимъ еще болѣе усилить ея ненависть къ другимъ. И наконецъ самое нарушеніе вѣрности первому брачному союзу постоянно будетъ предлогомъ недоувѣрять вѣрности нарушителя или нарушительницы и во второмъ, что опять способно причинять и сильныя нравственныя муки и служить источникомъ недоразумѣній и безконечныхъ укоровъ и подозрѣній, способныхъ отравлять супружескую жизнь ¹⁾). При этомъ разсужденіи однако невольно бросается въ глаза тотъ фактъ, что св. Іоаннъ Златоустъ вооружается лишь противъ второго брака, но ничего не говоритъ о третьемъ и четвертомъ. Это молчаніе можетъ означать и то, что если неодобрителенъ второй бракъ, то нечего говорить уже о дальнѣйшихъ, къ которымъ тоже неодобреніе приложимо въ усиленной степени; но съ другой стороны оно можетъ указывать и на то, что на востокъ это зло не было развито въ такой степени, какъ въ Римѣ, гдѣ бывали случаи чудовищнаго многобрачія и мужчинъ и женщинъ ²⁾).

Постоянной заботой св. Іоанна Златоуста, когда онъ рисовалъ предъ своими слушателями идеальную картину христіанскаго

¹⁾ См. 2-е письмо къ молодой вдовѣ, особенно въ концѣ (стр. 389 и сл.).

²⁾ Блаж. Іеронимъ приводитъ примѣры, когда одинъ вдовецъ женился послѣдовательно на 20 женщинахъ, а одна вдова выходила въ замужество за 22 мужчинъ (Іерон. Epist. 123).

брака, или когда онъ показывалъ имъ, насколько далека была отъ него дѣйствительность, было возможно лучше обосновать полное равенство супруговъ, искоренить тотъ, еще сильно распространенный на греческомъ востоцѣ предрасудокъ, что женщина по своимъ правамъ ниже мужчины. Объясняя совѣты, какіе ап. Павелъ давалъ вдовицамъ, онъ не упускаетъ случая намекнуть, хотя и не высказывая этого прямо, что ап. Павелъ разумѣетъ также и вдовцовъ: какъ вдовамъ, такъ вдовцамъ онъ одинаково совѣтуетъ избѣгать вступленія во второй бракъ. Особенно много усилій онъ употреблялъ къ на то, чтобы внушить, что невѣрность мужчины такъ же преступна, какъ и женщины, и что слово прелюбодѣяніе одинаковый имѣетъ смыслъ въ приложеніи къ обоимъ. Здѣсь, правда, проповѣдникъ встрѣчался съ противорѣчіемъ, находившимся между законами гражданскими и церковными, при чемъ многіе считали себя достаточно обезпеченными отъ обвиненія въ извѣстной вольности широкой терпимостью гражданского законодательства. Большинство признавали только въ одномъ случаѣ прелюбодѣяніе со стороны мужчины, именно когда онъ, будучи самъ женатъ, вступалъ въ преступную связь съ замужней женщиной. Все остальное считалось простымъ блудомъ, а не прелюбодѣяніемъ, и поэтому допускалась большая снисходительность по отношенію къ связямъ съ куртизанками и любовнымъ похождениямъ съ служанками, что все продѣлывалось безъ малѣйшаго смущенія. Одно глубокоинтересное письмо блаж. Иеронима, именно письмо къ Оцеану, гдѣ онъ восхваляетъ Фабіолу, вполне подтверждаетъ жалобы І. Златоуста: „Иные законы кесарей, восклицалъ Иеронимъ, иные законы Христа; предписанія Палиніана не то же, что предписанія Павла. Юрисконсульты надѣваются узду на безстыдство людей, и осуждая только *stuprum* ¹⁾ и прелюбодѣяніе (онъ разумѣетъ преступленіе женатаго человѣка съ женой другого), они допускаютъ распутную любовь съ служанками и куртизанками, какъ будто положеніе, а не воля дѣлаетъ вину. У насъ же все, что запрещено женщинамъ, одинаково запрещено и мужчинамъ, и

¹⁾ О юридическомъ значеніи слова *stuprum* см. у Esmein, *Mélanges d'histoire du droit et de critique*, 161 и сл.

тѣже обязанности, при одинаковыхъ условіяхъ, возложены на обоихъ супруговъ“ ¹⁾). Фабіола дѣйствительно имѣла разводъ и вступила во второй бракъ, въ чемъ позже благородно и горячо каялась. Но ее упрекали не за второбрачіе только; ее упрекали и за разводъ. Если мужъ отпускалъ свою жену на основаніи прелюбодѣянія, то ничего не могло казаться проще этого; но если оскорбленная измѣной супруга, какъ это и было съ Фабіолой, отмшала супругу притязаніемъ на то же самое право, то это до крайности смущало всѣхъ распущенныхъ мужей, всѣхъ соблазнитель и посягателей грязныхъ притоновъ. Въ дѣйствительности и сама церковь часто допускала, что женѣ лучше продолжать сожителство и съ прелюбодѣйнымъ мужемъ, при чемъ приводилось въ основаніе нечуждое нѣкоторой силы соображеніе, что вѣрная жена мало по малу могла возвратитъ и своего мужа къ добродѣтели. Но уже св. Василій Великій обнаруживалъ большую строгость въ этомъ отношеніи ²⁾, а св. Іоаннъ Златоустъ былъ неумолимъ въ проведеніи принципа полного равенства мужа и жены въ дѣлѣ отвѣтственности ихъ предъ нравственнымъ закономъ. Твердо настаивая на полномъ равенствѣ мужчины и женщины въ бракѣ, хотя это положеніе и смущало общественное мнѣніе его современниковъ, св. Іоаннъ особенно и намѣренно выдвигалъ этотъ принципъ въ своихъ проповѣдяхъ тѣмъ, что, проповѣдуя противъ прелюбодѣянія, онъ всегда обращается къ мужчинѣ. При этомъ онъ смѣло вторгается въ его самыя послѣднія убѣжища, безпощадно обнажаетъ всѣ его софизмы, которыми онъ пытается обмануть самого себя и усыпить свою совѣсть. Онъ описываетъ всѣ тѣ опасности, которымъ онъ подвергаетъ себя, непрерывныя опасенія, вѣчныя подозрѣнія, которыя всякій разъ отравляютъ запрещенное удовольствіе. Виновнаго мужа онъ отлучаетъ отъ церкви ³⁾. И вообще сама церковь всегда съ особенною строгостью караетъ грѣхъ прелюбодѣянія, подвергая виновныхъ самымъ продолжительнымъ и тяжкимъ епитиміямъ. А

¹⁾ Hieron. Ep. 77.

²⁾ Ep. 1. 9.

³⁾ На ев. Іоан. 63.

св. Іоаннъ Златоустъ еще болѣе усиливаетъ эту строгость, особенно въ виду того, что ему приходилось имѣть дѣло съ самымъ чувственнымъ и сладострастнымъ народомъ. Въ Сиріи, гдѣ во все времена и климатъ, и преданія, и самые культы благопріятствовали всякимъ излишествамъ, въ Антиохіи, откуда всегда выходили массы развеселыхъ флейтищъ и куртизанокъ, которыя съ береговъ Оронта распространялись по всемъ большимъ городамъ, вплоть до самаго Рима, гдѣ онѣ были такъ хорошо знакомы всемъ въ извѣстномъ своею худою славою кварталѣ Большого цирка,—въ самой наконецъ столицѣ востока—Констанстантинополѣ, который по распущенности нравовъ быстро сравнялся съ Римомъ, св. Іоанну Златоусту постоянно приходилось встрѣчаться съ самыми закоснѣлыми грѣшниками, выступавшими съ возраженіемъ ему, что любовныя страсти имѣютъ роковую, непреодолимую силу. „Къ чему разглагольствовать? Я хорошо сознаю, что хотѣлъ бы побороть эти движенія моего сердца, но въ то же время чувствую, что не могу.—Нѣтъ, отвѣчаетъ Златоустъ, любовь не есть нѣчто роковое. Восхищеніе красотою есть дѣло роковое, но можно восхищаться красотой, не примѣшивая къ восхищенію никакого плотскаго желанія“. И при этомъ онъ съ тонкостью замѣчаетъ, что если бы это было не такъ, то красивую женщину любили бы все безъ исключенія, и даже нельзя было бы воздержаться отъ (плотской) любви къ своей собственной матери ¹⁾. Но какъ же вообще, не уставали забрасывать его своими возраженіями разные совопросники, какъ можно сохранить супружескую вѣрность, если человѣкъ по несчастью имѣетъ безобразную жену? Безобразныя жены и сами не признаютъ за собою особенно большаго права жаловаться на измѣну имъ. Онѣ пытаются всячески удерживать у себя своихъ мужей тѣмъ, что восполняютъ недостатокъ красоты возможно болѣе красивой одеждой, и это часто служило даже лицемѣрнымъ извиненіемъ для ихъ кокетства. Когда

¹⁾ Интересно, что слушатели вели съ Златоустомъ какъ бы цѣлые диспуты. На это послѣднее замѣчаніе они отвѣчали ссылкой на то, что кровосмѣшеніе противно самой природѣ (*horror naturalis*), но Златоустъ опровергалъ это положеніе, приводя въ примѣръ извѣстный обычай персовъ. На 2 посл. къ Корин. 7.

Златоустъ проповѣдывалъ противъ кокетства, то ему возражали: но тогда что же останется дѣлать безобразнымъ женщинамъ? И онъ отвѣчалъ остроумной похвалою безобразію, говоря, что некрасивая женщина менѣе подлежитъ худой молвѣ и злословію. Мужъ красивой женщины уже напередъ есть неизбѣжная жертва ревности. Затѣмъ красивыя женщины лѣнны, онъ не хотѣлъ заниматься хозяйствомъ, всегда опасаются, какъ бы не замарать и не испортить своихъ красивыхъ и бѣлыхъ ручекъ. Некрасивая женщина болѣе дѣятельна и болѣе полезна. Кромѣ того, не зазорно ли въ дѣлѣ удержанія своего мужа разсчитывать лишь на тѣже прелести, какія предлагаютъ ему и куртизанки? Напротивъ, его нужно удерживать преданностью, любовію, всѣми качествами любви. Пусть онъ находитъ въ ней не женщину для развлечения, въ родѣ тѣхъ, которыхъ всегда можно найти на сторонѣ, а любящую, цѣломудренную и серьезную христіанку, какихъ не найти ни въ театрѣ, ни въ циркѣ ¹⁾).

Въ одномъ изъ своихъ первыхъ произведеній св. І. Златоустъ описалъ одинъ изъ тѣхъ домовъ, гдѣ женщина, не смотря на всѣ свои добродѣтели, не могла удержать своего мужа. Это было семейство того несчастнаго Стагирія, человѣка безпокойнаго, больного, бывшаго быть можетъ жертвою наслѣдственнаго недуга (насколько можно судить по тому, что извѣстно о его отцѣ), который, истощенный подвигами, впалъ въ состояніе, близкое къ помѣшательству и бѣснованію. Отецъ Стагирія, человѣкъ высокаго происхожденія и съ большими средствами, бросилъ свою законную жену и открыто жилъ съ одной молодой содержанкой, отъ которой имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей. Это былъ вообще человѣкъ, о которомъ св. Іоаннъ могъ говорить только съ крайнимъ презрѣніемъ, какъ о человѣкѣ нерассудительномъ, буйномъ и неспособномъ владѣть собою ²⁾). Нигдѣ еще въ своихъ бесѣдахъ онъ не дѣлаетъ такихъ точныхъ изображеній, такъ какъ обыкновенно воздерживается отъ личныхъ указаній и даже слишкомъ ясныхъ намековъ. Но въ данномъ случаѣ его разсужденія не оставляютъ сомнѣнія

¹⁾ На 1 посл. къ Тимоѳ. 4.

²⁾ См. Слово второе къ Стагирію, стр. 190 и сл. (нов. русск. изд.).

въ томъ, что зло было очень велико, а между тѣмъ общественное мнѣніе не карало своимъ презрѣніемъ такихъ лицъ, которыя открыто вели столь соблазнительную жизнь, какъ это дѣлалъ отецъ Стагірія.

Но если св. Іоаннъ Златоустъ всячески настаивалъ на правахъ женщины, отстаивалъ отъ ея имени полное равенство обязанностей, взаимность обязательствъ со стороны обоихъ супруговъ, то отсюда еще вовсе не вытекало тожество ихъ дѣятельности и роли. Напротивъ, никто еще съ такою мудростью не опредѣлялъ ихъ особаго назначенія каждаго изъ нихъ, никто лучше Іоанна не обозначалъ границъ области ихъ вѣдѣнія и не указывалъ смысла ихъ дѣятельности. „Вотъ въ чемъ обязанности женщины: она смотритъ за домомъ, заботится о внутреннихъ дѣлахъ, наблюдаетъ за слугами и понукаетъ ихъ къ работѣ, трудится надъ изготовленіемъ одеждъ, даетъ тебѣ названіе отца, избавляетъ отъ блудницъ, помогаетъ соблюдать воздержаніе, подавляетъ жало плоти“¹⁾. — „Богъ не позволилъ всего безразлично мужчинѣ и женщинѣ, но раздѣлилъ между ними задачу. Женщинѣ домъ, мужчинѣ площадь. Мужчинѣ кормить своихъ обработкой земли; женщинѣ одѣвать ихъ тканями“²⁾. Пусть каждый изъ нихъ проводитъ свое время за своимъ дѣломъ. Это не помѣшаетъ имъ жить одною общою жизнью. Напротивъ это будетъ лучшимъ средствомъ для каждаго изъ нихъ оказывать свое вліяніе, и никто еще лучше Златоуста не изобразилъ того святого и благотворнаго вліянія, какое могутъ оказывать другъ на друга супруги, когда они любятъ другъ друга и хорошо понимаютъ свои обязанности. Съ истиннымъ изяществомъ изображаетъ онъ ту благотворную бдительность, на какую мужъ имѣетъ право въ отношеніи своей жены, а также и ту неощутительную власть, какую жена своею всепобѣждающею любовію можетъ мало по малу получить надъ нимъ. Свою жену нужно исправлять съ самою терпѣливою нѣжностью³⁾. Не хорошо, если супруги слишкомъ замѣтно наблюдаютъ другъ за другомъ, подозрѣваютъ

¹⁾ На 2 посл. къ Тессал. 5.

²⁾ На 1 посл. къ Коринѣ. 34.

³⁾ На Матѣ. 31.

другъ друга. Мужъ, который желаетъ исправить недостатки своей жены, долженъ беречься сначала, чтобы самому не давать повода къ упрекамъ; а какъ онъ можетъ избѣжать ихъ, если постоянно его нѣтъ дома, если онъ едва нѣсколько часовъ проводитъ въ ея сообществѣ? Пусть онъ и не слишкомъ сердится на подозрѣнія жены: они доказательство ея любви. Пусть онъ остерегается также подавать видъ, что слишкомъ занятъ какой-нибудь рабыней. Когда онъ такимъ образомъ будетъ сознавать, что самъ безупреченъ, то мало по малу можетъ дѣлать замѣчанія и съ своей стороны, сдерживать то необузданное стремленіе къ роскоши, которому предаются почти всѣ женщины. Въ дѣйствительности онѣ именно первыя стараются поддерживать или зажигать въ сердцѣ мужчины алчность и любовь къ наживѣ. При той маніи, которую онѣ имѣютъ къ постоянному сравненію своей участи съ участью другихъ, онѣ не перестаютъ стыдить своихъ мужей. „Смотри, какая роскошь у такой-то, какое платье у нашей сосѣдки? Какъ я кажусь жалкой рядомъ съ нею! Такъ-то ея мужъ сумѣлъ разбогатѣть!“ Но если мужъ своими добродѣтелями, своею вѣрностью приобрѣлъ любовь своей жены, то онъ можетъ подавлять всякую такую завистливость и честолюбіе; онъ можетъ внушить ей умѣренность, если только самъ понимаетъ цѣну ея¹⁾. Пусть съ самаго дня свадьбы, говоритъ Златоустъ, мужъ умѣетъ прокладывать дорогу своему вліянію, и тогда онъ въ состояніи будетъ придавать надлежащее значеніе своимъ совѣтамъ и указаніямъ въ жизни. Если свадьба была простая, скромная, то невѣста не позволитъ себѣ предаваться несбыточнымъ мечтамъ касательно своего истиннаго положенія. Она не окажется на другое утро въ томъ смѣшномъ и удрученномъ состояніи, въ которомъ оказывается та, которая съ огорченіемъ видитъ, какъ уносятся изъ ея дома дорогіе ковры и красивая посуда, взятые только на прокатъ. Если свадьба была проста, то молодая женщина сразу пойметъ, что тотъ, съ которымъ она сочеталась бракомъ, не расположенъ терпѣть излишествъ роскоши. „Вы улыбаетесь, находите смѣшнымъ всѣ эти совѣты; но попробуйте слѣдовать имъ, и вы найдете въ нихъ пользу“. Затѣмъ

¹⁾ На посланіе къ Ефес. 20.

онъ въ нѣсколькихъ деликатныхъ чертахъ набрасываетъ разговоръ, съ какимъ нужно обращаться къ своей женѣ на первыхъ порахъ брачной жизни, и показываетъ, съ какимъ тонкимъ умѣньемъ и съ какими любезностями нужно дать ей понять цѣну того выбора, который сдѣланъ по отношенію къ ней. Ей нужно сказать, что предпочтеніе предъ другими ей оказано вслѣдствіе ея нравственныхъ качествъ, ради ея добродѣтелей; я могъ бы найти жену болѣе богатую, болѣе высокаго рода (замѣчательна психологическая тонкость, съ какой Златоустъ избѣгаетъ намека на недостатокъ красоты), но я предпочелъ тебя вслѣдствіе того, что ты такъ нѣжна, проста и чиста ¹⁾). Этимъ можно упрочить въ женщинѣ ея добрыя природныя качества, можно даже возбудить ихъ, если они еще не настолько видимы или развиты у нея, что нужно говорить ей объ этомъ.

Но еще лучше можетъ женщина вліять на мужа, можетъ измѣнить его нравъ, преобразовать его, если только съумѣетъ. Сколько блага было бы для человѣчества, если бы она хотѣла всегда пользоваться этимъ своимъ нѣжнымъ, но непреодолимымъ вліяніемъ въ пользу добродѣтели и благочестія! Св. Іоаннъ Златоустъ затѣмъ возвращается къ своей любимой темѣ, что пусть женщина не воображаетъ, какъ она часто имѣетъ глупость думать, будто красотой и нарядами она можетъ привязать къ себѣ своего мужа. Онъ всегда можетъ найти въ этомъ отношеніи больше у куртизанки, чѣмъ она въ состояніи дать ему, если только она не предлагаетъ ему чего нибудь больше этого. Но если она покажетъ ему святую и чистую нравственность и любовь, то какое важное значеніе получаютъ для него все ея совѣты! Когда она говоритъ, то сладокъ голосъ такой жены: ни голосъ друга не имѣетъ такой убѣдительности, ни голосъ отца или матери, ни голосъ начальника или князя не имѣетъ такой назидательности и силы. Совѣты вообще бывають какъ-то стѣснительны и непріятны. „Только совѣты, даваемые женою, имѣютъ обаяніе, какое свойственно только имъ—по причинѣ внушаемой ею любви“ ²⁾).

Нужно только слѣдовать этимъ совѣтамъ, и тогда между су-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ На ев. Іоанна 61.

пругами установится и будетъ царствовать то познѣйшее согласіе, при которомъ бракъ не будетъ лишь пустымъ словомъ и которое между тѣмъ такъ рѣдко въ домашнемъ быту. Нечего уже и говорить о тѣхъ семействахъ, гдѣ мужъ бьетъ свою жену ¹⁾). Когда жена имѣетъ такое несчастье, что ее мужъ подвергаетъ ее побоямъ, то она должна съ терпѣніемъ нести этотъ крестъ; но какой позоръ для мужчины—такъ грубо обращаться съ женой, когда не слѣдуетъ бить даже и рабынь! Мужъ, бившій свою жену, пусть знаетъ, что онъ совершаетъ преступленіе, равное оскорбленію или убійству родителей, и даже еще худшее преступленіе, потому что Самъ Богъ завѣщаль оставить своего отца и свою мать и прилѣпиться къ женѣ своей! Нужно избѣгать всякихъ поводовъ къ взаимному недовольству—вплоть до мелочныхъ столкновеній, взаимныхъ упрековъ или мимолетныхъ ссоръ. Не нужно доводить дѣло до разлада даже изъ побужденій, повидимому, почтенныхъ, какъ напр. когда жена хотѣла бы соблюдать воздержаніе безъ взаимнаго согласія. Въ IV вѣкѣ это явленіе въ христіанскихъ семействахъ было часто причиной раздоровъ и даже полного разрыва между супругами. Тѣмъ женамъ, которыя увлекаются честолюбіемъ такого незаконнаго цѣломудрія, св. Іоаннъ Златоустъ повторяетъ внушенія и наставленія, высказанныя св. ап. Павломъ: воздержанію можно предаваться только по обоюдному согласію ²⁾). Нужно приносить всѣ жертвы и даже воздержаніе, чтобы только обезпечить это столь желанное благо—согласіе между супругами; потому что можетъ ли быть что нибудь ужаснѣе, что нибудь прискорбнѣе раздѣленій и ссоръ между тѣми, которые соединены столь священными узами? „Это есть война между членами одного и того же тѣла, самая ужасная изъ войнъ“. Но она никогда не вспыхнетъ, если мужъ умѣетъ любить жену, а жена умѣетъ уступать мужу. При нормальномъ положеніи дѣла, мужъ приказываетъ, а жена повинуется. Но что бы тамъ ни говорили глашатаи, негодующіе на мнимое нарушеніе здѣсь равноправности, нельзя думать, что для должнаго исполненія первой изъ этихъ двухъ различныхъ ролей

¹⁾ На 1 посл. къ Коринт. 26.

²⁾ На 1 посл. къ Кор. 19.

требуется будто меньше любви, чѣмъ для исполненія второй. Напротивъ, для исполненія ея требуется еще больше любви ¹⁾. Если по несчастію случится, что какую бы преданность ни обнаруживалъ, какую бы жертву ни принималъ на себя одинъ изъ супруговъ, другой будетъ упрямо оставаться въ своихъ неисправимыхъ недостаткахъ, то жертва должна терпѣть ихъ, и пусть возьметъ себѣ въ примѣръ Сократа ²⁾, который, имѣя злую жену, взбалмошную и даже предававшуюся вину, благодушно говорилъ, что это для него истинная школа философіи, упражняющая его въ терпѣніи и въ виду всѣхъ домашнихъ испытаній научающая его поступать по отношенію къ другимъ именно какъ разъ наоборотъ, чѣмъ поступать съ нимъ его Ксантиппа ³⁾.

А. Райнъ.

---

¹⁾ На посл. къ Колосс. 10.

²⁾ На 1 посл. къ Коринѣ. XXVI, 8.

³⁾ *Окончаніе слѣдуетъ.*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки